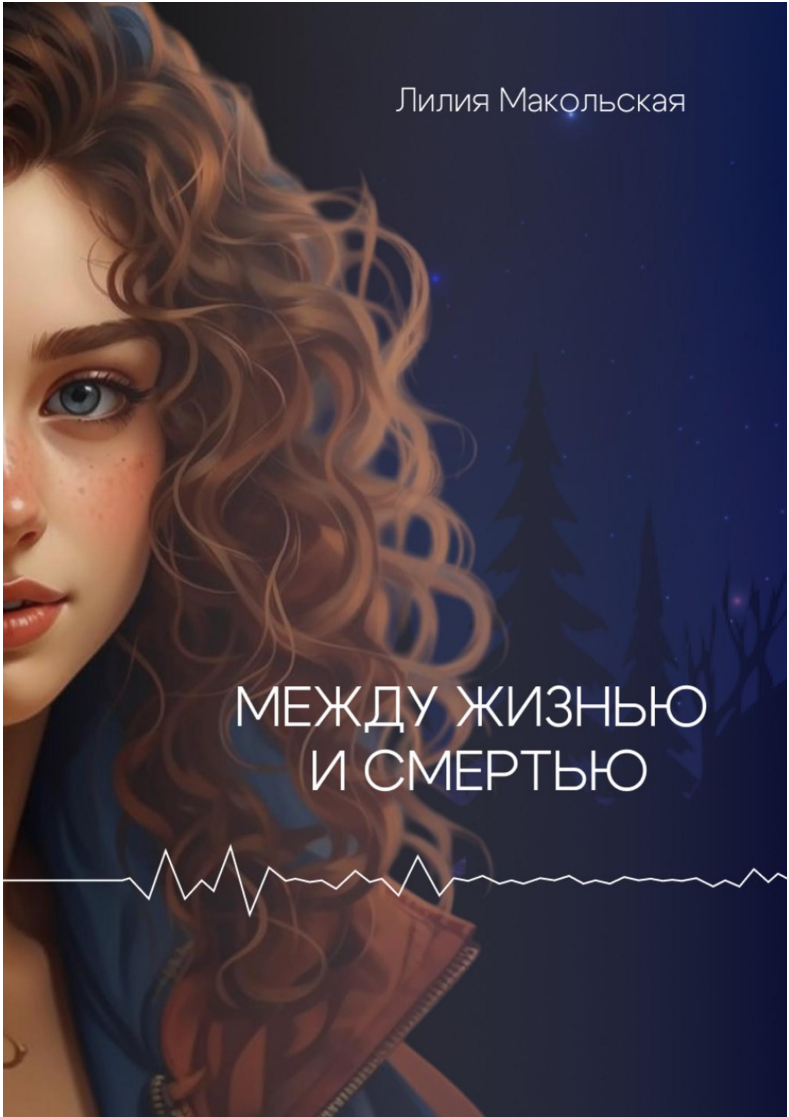
Лилия Макольская
МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ
И СМЕРТЬЮ

Лилия Макольская

Между жизнью и смертью

https://litres.ru/74682079
SelfPub; 2026

Аннотация

"Между жизнью и смертью" — история о тех мгновениях, когда жизнь и смерть пересекаются, а выбор становится судьбоносным. Далея и Адам, два потерянных сердца, оказываются в мире, где границы между реальностью и параллельным бытием стираются.

Они сталкиваются с неизбежностью: как найти дорогу назад, если всё, что было, растворилось в пустоте? Она — без памяти, без прошлого, но с непокорённой волей найти себя. Он — в поисках себя, потерявший связь с тем, что по-настоящему важно. Их встреча — не случайность. Это шанс, который даёт судьба.

Но что, если их пути разойдутся? Как сделать выбор, когда любовь и боль, воспоминания и будущее переплетаются в один незримый узел?

Между жизнью и смертью

МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ

Пролог

В операционной царила зловещая тишина. Не та умиротворённая, дарящая покой тишина, а гнетущая, давящая на плечи своей тяжестью. Тишина, в которой отчётливо слышен каждый шорох, каждый вздох, каждый удар сердца, отдающийся гулким эхом в висках. Звуки, обычно еле различимые, здесь становились оглушительными. Скрежет хирургических инструментов по металлическому лотку, шелест стерильных бинтов, мерное пиканье медицинской аппаратуры – это било по нервам, словно молот по наковальне. Флуоресцентные лампы заливали помещение холодным, безжизненным светом, превращая лица врачей в безликие маски. В этой гнетущей атмосфере рождалась своя особенная мелодия. Мелодия капель пота, скатывающихся со лба хирурга и падающих на стерильную простынь. Мелодия, отсчитывающая секунды, минуты, часы этой безмолвной битвы за жизнь. Каждая капля, как песчинка в песочных часах судьбы, неумолимо отмеряющая время.

– Мэм, мы делаем всё возможное, – прозвучал отчаявшийся голос ведущего хирурга, доктора Андерсона. Его слова, произнесённые с той особой интонацией, которую приобретают врачи за годы работы с тяжёлыми случаями, повис-

ли в воздухе, подобно туману. В них слышалась та же безнадёжность, что читалась в его усталых глазах, скрытых за запотевшими защитными очками.

– Она больше никогда не проснется, да? – хриплый, надломленный голос женщины прорезал тишину. В нём слышалась мольба, отчаяние и та особая интуиция, которая есть только у матерей, когда речь идет о их детях.

Доктор Андерсон на мгновение замер, его руки, затянутые в латексные перчатки, слегка дрогнули. За двадцать лет практики он так и не научился легко отвечать на подобные вопросы.

– Послушайте, миссис Эванс, – медленно начал он, тщательно подбирая слова, – я не стану давать вам ложных надежд. Сейчас Эмили находится в состоянии комы, травма очень серьёзная, и мы не можем с уверенностью прогнозировать, как быстро её состояние стабилизируется. Но я обещаю вам – мы используем все доступные нам средства и сделаем всё возможное.

В этой стерильной тишине Сара чувствовала, как рушится её мир. Каждый удар сердца отдавался болью, каждый вдох давался с трудом, словно воздух превратился в свинец. Перед глазами проносились образы: вот Далея делает свои первые шаги, вот она смеётся, катаясь на велосипеде, вот она задувает свечи на торте в свой десятый день рождения… И теперь эта же девочка, её маленькая принцесса, лежит неподвижно на операционном столе, опутанная прово-

дами и трубками, словно сломанная кукла.

– Я не могу представить жизнь без неё, – мысли кружились в голове Сары, подобно осенним листьям на ветру. – Она – мой свет, моё дыхание, моя душа. Как я буду жить без её звонкого смеха, без её тёплых объятий, без этих пронзительных голубых глаз, так похожих на глаза её отца? Сара сжала кулаки так сильно, что ногти впились в ладони до крови, но она не чувствовала этой боли.

Физическая боль казалась ничтожной по сравнению с той агонией, что разрывала её сердце.

– Господи, – беззвучно шептали её губы, – если ты слышишь меня, сделай чудо! Верни мне мою девочку! Я готова отдать всё – мою жизнь, мою душу, что угодно – только пусть она живёт. Пусть она снова смеётся, плачет, капризничает… Пусть она просто будет.

Внезапно мерный писк кардиомонитора сменился тревожным сигналом.

– Давление падает! – резкий голос анестезиолога разрезал тишину. – Начинаем реанимационные мероприятия! Мэм, вам нужно выйти!

Медсестра мягко, но настойчиво вывела Сару из операционной. Последнее, что она увидела – как над её дочерью склонились врачи, их движения быстры и точны, как в каком-то жутком танце. За дверями операционной время словно остановилось, Сара опустилась на холодный больничный пол, прислонившись спиной к стене. Её губы продолжали

беззвучно шевелиться в молитве, а по щекам текли слёзы, оставляя влажные дорожки на бледной коже.

Глава 1

– Мам, я опаздываю! – прокричала Далея, выбегая из дома. Её голос, звонкий и чистый, эхом разнесся по всему дому, заставив старые половицы отозваться протяжным скрипом.

– Да хоть бы позавтракала! – с привычным материнским упрёком отозвалась Сара, поспешно выглядывая из кухни с наполовину вытертой тарелкой в руках. В её голосе смешались забота, лёгкое раздражение и та особая нежность, которую матери припасают только для своих детей.

– Некогда! Люблю тебя, до вечера! – Далея уже выбежала за дверь, нетерпеливо ступая по скользким от талого снега ступеням. Её шаги, торопливые и лёгкие, отбивали рваный ритм на старом деревянном крыльце. Весенний ветер, словно шаловливый ребёнок, играл с её кудрявыми волосами, превращая их в непослушное облако цвета спелой пшеницы. Солнце, пробиваясь сквозь редкие облака, отражалось в её сияющих синих глазах, делая их похожими на осколки весеннего неба. Девушка ловила ртом свежий воздух, наслаждаясь предвкушением нового дня. В такие моменты жизнь казалась бесконечной чередой возможностей, каждая из которых манила своей неизведанностью.

Внезапный визг тормозов прервал её приятные мысли.

Желтый кабриолет, пронёсшийся мимо с огромной скоростью, окатил Далею грязной жижей с головы до ног. Брызги разлетелись веером, превращая её светло-бежевое пальто в абстрактную картину в коричневых тонах.

– Сегодня явно не мой день! – проворчала она, тщетно пытаясь отряхнуть пальто. Грязные разводы упрямо въедались в ткань, словно напоминая о том, что иногда судьба любит посмеяться над нашими планами. Действительно, всё шло не так: сначала проспала, потом эта неприятность с одеждой… Может быть, это знак? Может, стоило прислушаться к внутреннему голосу, который настойчиво шептал: "Останься дома"? Но разве можно в девятнадцать лет всерьёз воспринимать такие предчувствия?

Подходя к остановке, Далея с удивлением и небольшим злорадством увидела тот самый кабриолет. Он, словно наказанный, заглох посреди дороги, и его водитель – молодой человек в дорогом костюме – безуспешно пытался завести двигатель.

– Ха-ха, так тебе и надо! И всё-таки справедливость существует! – подумала девушка, забегая в подошедший автобус. К её удивлению, следом за ней зашёл и виновник её испорченного наряда. Далея, делая вид, что полностью поглощена музыкой в наушниках и пролистыванием ленты в телефоне, украдкой наблюдала за ним. Высокий, подтянутый, в идеально сидящем костюме цвета грозового неба, а на запястье поблёскивали дорогие часы, и короткая стрижка под-

чёркивала правильные черты лица.

– Хм, брюнет, а он ничего такой, – промелькнула шальная мысль, от которой щеки девушки слегка порозовели. Внезапно их взгляды встретились. В его глазах, тёмных как безлунная ночь, мелькнуло что-то похожее на извинение, смешанное с искренним интересом. Далея, смутившись от этого пронзительного взгляда, зачем-то показала ему язык – детский, но такой искренний жест, не правда ли? Он лишь улыбнулся, и в уголках его глаз собрались лёгкие морщинки, придававшие его лицу удивительно тёплое выражение. Затем он отвернулся к окну, за которым проплывал весенний город, и пристально смотрел на уходящие пейзажи.

Казалось, это была их первая и последняя встреча. Мгновение, которое могло стать началом удивительной истории, обернулось трагическим финалом. Всё, что произошло после, слилось в оглушительный скрежет металла, крики ужаса и звон разбитого стекла…

– Скорее скорую! Семеро погибших, пятнадцать тяжелораненых! – эти слова, произнесённые чьим-то срывающимся голосом. – Камаз выехал на встречную полосу и врезался в автобус… Вызывайте спасателей!

Это были не просто сухие цифры сводки происшествий. За каждым числом стояла чья-то судьба, чьи-то несбывшиеся мечты, оборванные на взлёте надежды. Это были чьи-то жизни, в одно мгновение расколотые на "до" и "после". Где-то в этой груде искорёженного металла, среди осколков стек-

ла и обрывков чужих судеб, всё ещё билось сердце Далеи. Она отчаянно боролась за жизнь, не подозревая, что судьба уже начала разыгрывать свой жестокий спектакль. Она не знала, что её история только начинается, и что цена за право остаться в мире живых окажется непомерно высокой… В тот момент, когда карета скорой помощи с пронзительным воем уносила её в неизвестность, никто – ни врачи, ни случайные свидетели, ни даже сама Далея – не мог предположить, какой поворот готовит судьба. Никто не мог представить, что эта весенняя встреча, такая мимолётная и, казалось бы, незначительная, станет событием, которое изменит не только её жизнь, но и сами законы реальности…

Глава 2

Грань между мирами и ощущение невесомости сменились жгучей болью в ноге. Далея застонала, пытаясь разлепить веки, но непроглядная, густая, почти осязаемая тьма окутывала её со всех сторон, подобно удушающему одеялу. Где она? Что произошло? Сознание металось в попытках ухватиться за последние проблески воспоминаний. Память возвращалась фрагментами, вспышками, как разбитое зеркало, в котором каждый осколок отражал свой кусочек реальности. Отчаянная попытка ухватиться за поручень, металл обжёг ладонь своим ледяным прикосновением. И этот звук… О боже, этот ужасный хруст ломающейся кости, который она не столько услышала, сколько почувствовала всем своим существом. Новая волна боли пронзила ногу, вытесняя все мыс-

ли и воспоминания. Далея стиснула зубы так сильно, что во рту появился металлический привкус крови, каждый вдох давался с трудом, словно лёгкие наполнились свинцом. Нужно встать. Нужно двигаться. Эта мысль пульсировала.

– Мама… – это слово вырвалось из её губ почти шепотом.

И словно в ответ на этот зов, где-то вдалеке, сквозь непроницаемую пелену тьмы, пробился тонкий луч света. Он был таким слабым, что казался скорее игрой воображения, миражом измученного разума, но для Далеи он стал единственной надеждой, единственным якорем в этом море мрака. Она поползла на этот свет, преодолевая боль, оставляя за собой кровавый след на холодном камне, каждое её движение отзывалось агонией во всём теле, но она упрямо продолжала свой путь, ведомая первобытным инстинктом выживания и неистовым зовом материнской любви. По мере её продвижения луч становился всё ярче, приобретая форму и очертания. И вот, наконец, сквозь туман боли и отчаяния, Далея увидела её – маму. Она стояла на противоположном берегу тёмной реки, протягивая руку, такую знакомую, с тонкими музыкальными пальцами, которая столько раз вытирала её слёзы и гладила по голове.

– Мама! – крик вырвался из груди Далеи, полный такой отчаянной надежды, что, казалось, мог разорвать само пространство. Она потянулась вперёд, игнорируя пронзительную боль, игнорируя холод, игнорируя страх. Ещё немного… Ещё чуть-чуть… Кончики их пальцев почти соприкос-

нулись… А потом всё оборвалось. Тьма. Абсолютная, всепоглощающая тьма. И тишина – такая глубокая, что в ней можно было услышать биение собственного сердца. Далея рухнула, уткнувшись лицом в холодный камень. Слёзы текли по её щекам, смешиваясь с кровью и грязью.

– Я не успела… Прости меня, мама… – эти слова растворились в темноте, как капли дождя в океане. Но даже сейчас, лежа на холодном камне, окружённая непроглядной тьмой, она чувствовала, что это не конец. Где-то в глубине души теплилась искра – маленькая, но несгибаемая. Она обязательно найдёт способ выбраться из этой тьмы. Она будет бороться, карабкаться, ползти – что угодно, только бы вырваться из этого кошмара. И тогда… Тогда она обязательно доберётся до мамы. Даже если ради этого придётся пересечь все круги ада. В этот момент Далея ещё не знала, что её путешествие только начинается. Не знала, что тьма, окружающая её сейчас, – лишь первое испытание из множества, что ждут впереди. Но разве есть цена выше материнской любви?

Глава 3

– Разряд! Ещё раз! – команда хирурга прозвучала как выстрел в звенящей тишине операционной. Джон Сэмер, сгорбившись на жёстком больничном стуле в коридоре, вздрогнул от этих слов, долетевших сквозь приоткрытую дверь. Каждый удар его сердца отдавался болью.

Операционная. Опять операционная. Двадцать лет назад в такой же стерильной комнате он потерял жену. Теперь

судьба, словно насмехаясь над ним, привела его сюда снова. На этот раз – его сын, его Адам, его единственная радость в жизни, боролся за жизнь за этими белыми дверями. Михаил до хруста сжал кулаки, впиваясь ногтями в ладони. Боль помогала оставаться в сознании и не дать накрывающей его волне отчаяния затопить разум полностью. В памяти он продолжал прокручивать тот момент, когда ему позвонили:

– Джон Сэмер? Это доктор Андерсон, хирург областной больницы. К нам поступил Адам Сэмер, мы нашли в его телефоне ваш контакт. Ваш сын попал в аварию… – эти слова буквально выбили почву из-под ног. Воспоминания нахлынули неудержимым потоком. Вот Адам, совсем маленький, делает свои первые шаги, протягивая пухлые ручонки к отцу. Вот он, пятилетний, с сияющими глазами рассказывает о своём первом дне в детском саду. Первая драка во дворе, первая пятёрка в школе – все эти моменты, как кадры старой киноплёнки, проносились перед глазами.

– Господи, если ты есть… – Джон Сэмер никогда не был религиозным человеком, но сейчас, в этот момент, он был готов молиться кому угодно. – Ты уже забрал у меня Элис. Неужели теперь очередь сына? За что? Чем я заслужил такое наказание? – Скупая слеза скатилась по его обветренному лицу, оставляя за собой влажный след. Он вспомнил их последний разговор – такой обыденный, такой незначительный. Адам спешил на важную встречу, что-то про новый проект в его архитектурном бюро.

– Пап, я позже заеду, обсудим… – эти слова теперь звучали как жестокая ирония судьбы. Тишину больничного коридора разорвал звук открывающейся двери, из операционной вышел хирург Андерсон, его форма была покрыта пятнами пота и крови.

– Адам Сэмер? Есть тут его родственники? – голос врача звучал устало, но профессионально отстранённо.

– Да, доктор, – Джон поднялся, чувствуя, как дрожат колени. Он пытался прочитать что-то в глазах врача, уловить намёк на хорошие новости, но лицо доктора оставалось непроницаемым.

– Ваш сын находится в коме. Состояние стабильно тяжёлое. Мы делаем всё возможное. —Джон почувствовал, как земля уходит из-под ног. Он инстинктивно схватился за стену, чтобы не упасть.

– Мой мальчик… – только и смог прошептать он, чувствуя, как предательские слёзы застилают глаза. В этот момент его душа словно раскололась на тысячи осколков, оставляя после себя лишь пустоту. Врач продолжал говорить о травмах, повреждениях внутренних органов, шансах на восстановление, но его слова словно проходили сквозь пелену отчаяния. Джон видел перед собой лицо своего сына – улыбающееся, живое, полное энергии и планов на будущее. Как могло случиться, что теперь это лицо неподвижно лежит на больничной подушке, опутанное трубками и проводами?

– Можно… можно мне к нему? – голос Джона дрожал,

как осенний лист на ветру. Врач кивнул, и через несколько минут отец уже сидел возле кровати сына, осторожно сжимая его руку. В палате царила тишина, лишь мерное пиканье приборов нарушало её.

– Ты должен бороться, сынок, – шептал Михаил, глядя на бледное лицо Адама. – Ты сильный, ты справишься. Ты должен вернуться ко мне. Должен…

В его голове проносились мысли о том, как несправедлива жизнь, как жестока судьба, но где-то в глубине души теплилась надежда – слабая, как огонёк свечи на ветру, но живая. Он не знал, что в этот самый момент, в другой палате этой же больницы, другая семья переживала похожую драму. Не знал, что судьба готовит удивительный поворот, который свяжет жизнь его сына с жизнью незнакомой девушки по имени Далея. Не знал, что там, в глубинах комы, где реальность смешивается с фантазией, начинается история, которая изменит всё…

История, которая докажет, что даже в самой глубокой тьме может родиться свет, что любовь способна преодолеть любые границы – даже границу между жизнью и смертью.

А пока он просто сидел рядом с сыном, держа его за руку, и молился – впервые за двадцать лет он просил, чтобы утро принесло надежду, чтобы его мальчик открыл глаза и у этой истории был счастливый конец…

Глава 4

Тьма. Абсолютная, всепоглощающая тьма, в которой даже

собственные руки казались призрачными тенями.

– Что за хрень?! – рявкнул Адам, ошалело ощупывая лицо. Паника, словно ледяная волна, накрыла его с головой. – Я ослеп? Господи, только не это! – Голова гудела, словно в ней поселился целый оркестр барабанщиков на стероидах.

Воспоминания о последних событиях расплывались туманным пятном – деловая встреча, важные документы… Дальше – пустота. В отличие от Далеи, которая сейчас лежала в другой операционной, о чём он, конечно, не знал, Адам не пал духом. Сын сурового военного, выросший под лозунгом "трудности делают нас сильнее", он привык встречать проблемы лицом к лицу.

– Соберись, – приказал он себе. – Думай логически. Ты жив, это главное. Значит, выход должен быть.

– Адам, иди ко мне! – внезапно раздался знакомый, до мурашек ласковый голос, от которого защемило сердце. Голос из прошлого, голос, который он не слышал двадцать долгих лет. Непонимание сковало его тело, как ледяной панцирь. Этого просто не могло быть. Он помнил тот страшный день, когда отец, вернувшись со службы раньше обычного, сообщил о случившемся. Помнил, как окаменело его детское сердце, как рухнул привычный мир.

– Ну же, не бойся! У тебя всё получится! – снова этот голос, такой родной, такой невозможный. В голове Адама замелькали образы, как кадры старого, забытого фильма: Вот он, пятилетний карапуз, делает первые неуверенные шаги.

– Адам, милый, я так тобой горжусь! – мама бежит рядом, готовая подхватить в любой момент. Вот первые попытки произнести сложное слово.

– Адам, ну скажи ещё разочек! У тебя так хорошо получается! – её глаза светятся такой неподдельной радостью. – Мое солнышко! – она целует его в макушку перед сном, и весь мир пахнет домашним печеньем и лавандовым мылом.

– Мама? – шёпотом произнёс Адам, и это короткое слово обожгло губы, словно глоток горячего вина. Мысли бешено метались, не давая сосредоточиться. – Я не видел её двадцать лет! – её больше нет. Это невозможно!

Но Адам всё равно двинулся на зов, не в силах сопротивляться.

– Мама, я бегу! – слова вырвались сами собой, помимо воли. Слёзы скользили по щекам, оставляя следы на обожжённой руке. Он даже не помнил, откуда взялся этот ожог. Впереди, в кромешной тьме, мерцал еле различимый огонёк.

– Что это? – терзался он сомнениями. – Фантазия? Бред воспалённого сознания? Может, я просто сошёл с ума? Но огонёк не гас, маня и зовя, словно путеводная звезда в этом море мрака. Каждый шаг давался с трудом, будто он шёл против сильного течения. Ноги словно налились свинцом, но Адам упорно продолжал движение.

Внезапно в его памяти всплыл ещё один образ – последний день, когда он видел маму живой. Она собиралась на работу, как обычно. Ничто не предвещало беды.

– Адам, будь умницей. Вечером я приготовлю твой любимый яблочный пирог.

Он даже не обнял её на прощание, был увлечён новой игрой. Если бы он только знал… Сделав последний, решающий шаг, Адам ступил в сияющий круг света.

А в это время, в реальном мире, в палате интенсивной терапии, монитор показывал странные изменения мозговой активности пациента. Молодой человек, неподвижно лежащий на больничной койке, слегка улыбался, словно видел что-то очень хорошее во сне. Медсестра, делавшая очередной обход, покачала головой:

– Бедняга. Такой молодой, а уже третий день в коме. Удивительно, как вообще выжил в той аварии.

Она не знала, что в этот самый момент душа Адама путешествовала по иным мирам, где реальность переплеталась с фантазией, где прошлое встречалось с настоящим, и где совсем скоро ему предстояла встреча, которая перевернёт все его представления о жизни и смерти, о любви и судьбе.

Глава 5

– Мама, где ты? – в отчаянии прошептал Адам, слова царапали горло, словно острые осколки разбитого стекла. Голос срывался, превращая шёпот в тихие рыдания. Горячие слёзы оставляли влажные дорожки на его щеках, капая в пустоту. Образ матери – такой живой, такой реальный в мгновение ока – растворился в воздухе. Только что она была здесь, протягивала к нему руки, улыбалась той самой улыб-

кой, которую он помнил с детства. И вот – снова пустота, снова одиночество, снова эта бесконечная темнота, давящая со всех сторон. Но что-то изменилось. Тьма, окружавшая его, начала медленно рассеиваться. Сквозь редеющую пелену мрака проступали очертания чего-то… или кого-то. Адам прищурился, пытаясь разглядеть детали в полумраке. И тогда он увидел её. На холодном камне лежала девушка. Она казалась такой хрупкой, такой беззащитной – как одинокий цветок, случайно выросший среди камней. Её кудрявые волосы, рассыпавшиеся по плечам золотистым водопадом, были спутаны и местами слиплись от крови. В тусклом свете её бледное лицо казалось почти прозрачным. Сердце Адама пропустило удар, что-то в этой незнакомке показалось ему удивительно знакомым. Может быть, лёгкий изгиб бровей? Или форма губ, сейчас бледных, но, должно быть, обычно нежно-розовых? Он не мог объяснить это чувство, но оно было настолько сильным, что перехватывало дыхание. Преодолевая боль в собственном теле, Адам подполз ближе. Его пальцы, дрожащие от напряжения, осторожно коснулись её запястья. Кожа была прохладной, но под ней отчётливо прощупывался пульс.

– Дышит, значит жива, – пронеслась в голове обжигающая облегчением мысль. – Нужно выбираться отсюда.

Внезапно пространство вокруг них начало меняться. Тьма отступала всё дальше, уступая место новому свету – мягкому, тёплому, совсем не похожему на тот зловещий блеск,

что заманил его в ловушку призрачным образом матери. И в этом свете Адам увидел… отца? Да, это определённо был он – Джон Сэмер, постаревший, осунувшийся, с покрасневшими от слёз глазами. Он стоял на каком-то расстоянии, протягивая руки, словно пытаясь дотянуться до сына через разделяющую их пропасть.

– Папа? – голос Адама дрожал от переполнявших его эмоций. – Что случилось? Почему ты плачешь? – В горле встал ком, мешая говорить. Он никогда не видел отца плачущим – даже на похоронах матери тот держался, как кремень.

Действуя больше на инстинктах, чем осознанно, Адам бережно поднял девушку на руки. Она оказалась лёгкой, словно птица с перебитым крылом. Её голова безвольно откинулась назад, длинные ресницы отбрасывали тени на бледные щёки. С каждым шагом к отцу его голос становился всё отчётливее, но вместе с этим возрастал страх в сердце Адама. Страх, что и этот образ растает в воздухе, как случилось с матерью. Страх, что он снова останется один в этой бесконечной темноте. Но теперь у него была цель, был кто-то, кого нужно защитить. В его руках лежала не просто незнакомая девушка – он чувствовал, что держит чью-то жизнь, такую же хрупкую и драгоценную, как его собственная. Откуда-то из глубин подсознания всплыло воспоминание – жёлтый кабриолет, брызги грязной воды, рассерженный взгляд девушки на автобусной остановке. Неужели это она? Та самая девушка, которой он испортил пальто? Судьба, казалось, играла с ни-

ми в какую-то странную игру, правил которой они не знали. А пока Адам шёл вперёд, преодолевая боль и усталость, неся свою драгоценную ношу. Шёл навстречу свету, навстречу отцу, навстречу неизвестности. Голос отца становился всё ближе, каждое его слово, каждый звук проникал в самое сердце, заставляя его биться чаще. А потом – вспышка. Яркая, ослепительная, она пронзила тьму насквозь, словно молния расколола ночное небо.

– Ты справишься, сын, я верю в тебя. – эхом разнеслись последние слова отца, растворяясь в сиянии подобно утреннему туману.

И вдруг – мир изменился. Перед глазами Адама раскинулся лес, такой живой и настоящий, что перехватывало дыхание. Это был не просто лес – это был целый мир, полный жизни и тайн. Величественные деревья, словно древние стражи, устремляли свои могучие кроны к небесам, их листва шептала на ветру древние сказания, понятные лишь им одним. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь густой полог листвы, рисовали на изумрудном ковре травы причудливые узоры, превращая каждую росинку в крошечный бриллиант. Воздух был наполнен ароматами: свежесть утренней росы, пьянящий запах хвои, сладковатый дух цветущих трав – всё это сливалось в единую симфонию природы. Адам опустил взгляд на свою драгоценную ношу. Девушка лежала у него на руках, всё ещё без сознания, но её лицо уже не было таким мертвенно-бледным. Румянец медленно возвращался на её

щёки, придавая им оттенок нежного персика. Он осторожно положил её на мягкий мох под сенью древнего дуба. В его душе бушевал настоящий ураган эмоций и вопросов. Что это за место? Как они сюда попали? И главное – кто эта девушка, чьё присутствие вызывает в нём такие противоречивые чувства? Почему мы здесь вместе с ней?

Вдалеке журчал ручей – его мелодичный голос манил прохладой и свежестью. Адам поспешил к нему, на ходу срывая широкие листья лопуха. Вода в ручье была кристально чистой и такой прозрачной, что можно было разглядеть каждый камушек на дне. Он смочил листья в прохладной воде, стараясь не думать о том, как странно и нереально всё это выглядит. Вернувшись к девушке, он бережно приложил влажные листья к её лбу. Время, казалось, замедлило свой бег, растягивая каждое мгновение в вечность. Адам не мог оторвать взгляда от её лица – такого юного и одновременно такого одухотворённого. Длинные ресницы отбрасывали тени на щёки, губы, слегка приоткрытые, словно собирались что-то прошептать…

И вдруг – движение. Её ресницы дрогнули, затрепетали, как крылья бабочки, готовой взлететь. Медленно, словно пробуждаясь от векового сна, она открыла глаза. Их взгляды встретились, и мир вокруг словно застыл. В её глазах плескались страх и растерянность, но за ними таилось что-то ещё – какая-то искра, словно она тоже чувствовала эту необъяснимую связь между ними.

– Ты в порядке? – слова сорвались с губ Адама прежде, чем он успел подумать. Его голос прозвучал неожиданно хрипло, словно он не использовал его целую вечность.

– Да, кажется… – её голос был тихим, хрупким, как первый весенний цветок. – Где я? Кто ты?

– Я не знаю, – честно ответил он, оглядываясь вокруг.

– Как я сюда попала? – в её голосе звучало неподдельное любопытство.

– Не знаю, – Адам нахмурился, пытаясь проникнуть сквозь туман в своей памяти. – Последнее, что я помню, это…

– Что?

– Не уверен. Всё как в тумане.

– Со мной то же самое, – прошептала она, и в её глазах мелькнула тень понимания.

Они замолчали, каждый погружённый в свои мысли. Сумерки сгущались, превращая лес в причудливое переплетение теней, где-то вдалеке ухнула сова, заставив их вздрогнуть.

– Уже темнеет, – тихо произнесла девушка, глядя на темнеющее небо сквозь просветы в кронах деревьев. – Нужно найти убежище.

Адам кивнул, помогая ей подняться на ноги. – Я видел ручей неподалёку. Может быть, там есть пещера или что-то подобное.

Они двинулись вдоль ручья, держась близко друг к другу.

Каждый шорох, каждый скрип ветвей заставлял их вздрагивать. Мир вокруг них менялся, наполняясь тенями и загадками, словно древняя сказка, ожившая под покровом ночи. И действительно – словно в ответ на их молитвы, они нашли небольшую пещеру, сухую и достаточно просторную, чтобы укрыться на ночь. Вход в неё был частично скрыт густым плющом, создавая естественную завесу от любопытных глаз.

– Спасибо тебе, – прошептала девушка, когда они устроились внутри.

– За что? – удивился Адам.

– За то, что ты рядом. За то, что не оставил меня одну.

Их взгляды снова встретились, и в этот момент что-то изменилось. Словно невидимая нить протянулась между ними, связывая их судьбы воедино. В глубине души они оба понимали, что их встреча не случайна, что у всего происходящего есть какой-то глубинный смысл, который им ещё предстоит разгадать.

– Как тебя зовут? – спросил Адам.

– Далея. А тебя?

– Меня Адам.

– Ложись спать, Далея, – мягко сказал Адам. – Я посторожу.

Далея не стала спорить – усталость брала своё. Она свернулась калачиком на мягком мху, который они натаскали с поляны, и вскоре её дыхание стало ровным и глубоким. Адам остался сидеть у входа в пещеру, вглядываясь в темноту ноч-

ного леса. Где-то там, за пределами их маленького убежища, таились ответы на все их вопросы. Кто они? Как сюда попали? И что им делать дальше? Адам хмуро сдвинул брови, его губы сжались в тонкую линию. Он не мог найти ни одного обрывка воспоминаний, ни одной зацепки, ведущей к прошлому. Голова гудела от нескончаемого потока мыслей, словно рой диких пчёл, запертых в тесной черепной коробке, а усталость сковывала тело, словно тяжёлые кандалы.

В висках стучало, а в груди сжималось от непонятного, но гнетущего чувства.

Страх? Одиночество? Отчаяние?

Он не знал.

Но одно он знал точно:

Он не оставит Далею. Не сейчас, когда она так уязвима.

Он бережно потянулся к ней, скользнув пальцами по её хрупкому плечу. Тепло её тела отозвалось в его душе еле слышным эхом, даря ему крохотное утешение. Адам прикрыл глаза, вдыхая аромат хвои и ночной свежести. Крепко обхватил Далею, чувствуя, как её хрупкое тело прижимается к его груди. В этот момент он понял, что никогда её не отпустит.

Глава 6

ркие лучи солнца, пробиваясь сквозь щели в скалах, залили пещеру золотистым светом, создавая причудливую игру теней на каменных стенах. Далея заворочалась, сонно щу-

рясь и лениво потягиваясь, словно маленький котенок. Тёплое прикосновение солнца нежно коснулось её лица, заставив наконец открыть глаза. Первым, что она увидела, было умиротворённое лицо Адама, спящего рядом. Его тёмные ресницы отбрасывали длинные тени на бледные щеки, острые черты его лица в утреннем свете казались высеченными из мрамора. Далея невольно залюбовалась им, чувствуя, как в её сердце разливается нежность – неожиданная и пугающая своей силой. Она осторожно поднялась, стараясь не потревожить его сон, и бесшумно выскользнула из пещеры. На улице царило благодатное утро, наполненное свежестью и ароматами просыпающегося леса. Солнце уже поднялось высоко над горизонтом, заливая мир сияющим светом, превращая каждую травинку, каждый листочек в произведение искусства. Роса на траве сверкала россыпью бриллиантов, а птицы наполняли воздух звонкими трелями, создавая удивительную симфонию природы.

Босыми ногами ступив на влажную траву, Далея ощутила, как прохлада поднимается по её телу, даря невероятное чувство единения с этим волшебным местом. Она вдохнула полной грудью свежий воздух, наслаждаясь букетом ароматов: терпкий запах хвои, сладковатый аромат полевых цветов, влажная свежесть утренней росы. Внезапно сквозь заросли деревьев до неё донесся шум воды. Ведомая неудержимым любопытством, Далея двинулась на этот зов, раздвигая ветви и перешагивая через поваленные стволы.

Тропинка, извиваясь между деревьями, привела её на поляну, где перед ней открылся поистине великолепный вид: с высокого уступа скалы, покрытого изумрудным мхом, с оглушительным грохотом низвергался водопад. Его серебристые струи, переливаясь в лучах утреннего солнца, разбивались о тёмные камни внизу, создавая пенный водоворот и россыпь мельчайших брызг. Вода была настолько прозрачной, что можно было разглядеть каждый камушек на дне, каждую песчинку, переливающуюся в солнечных лучах.

Далея, заворожённая этим зрелищем, медленно приблизилась к краю скалы. Зажмурившись, она подставила лицо водяной пыли, чувствуя, как прохладные капли ласкают её кожу, даря ощущение свежести и обновления. В этот момент она ощутила непреодолимое желание погрузиться в эту чистую, живительную воду. Немного поколебавшись, она скинула с себя одежду, оставшись обнажённой под ласковыми лучами солнца. Она медленно ступила в воду, чувствуя, как прохладные струи обволакивают её тело, даря неизвестные ранее ощущения.

Сначала вода показалась ей ледяной, заставив вздрогнуть и затаить дыхание, но постепенно тело привыкло к температуре, и Далея с наслаждением погрузилась в прозрачную глубину. Она плыла, раскинув руки, ощущая, как вода смывает с неё все тревоги и сомнения, все страхи и неуверенность. Она словно заново родилась, став частью этого прекрасного, загадочного мира. Увлечённая своими ощущениями, Далея

не заметила, как небо над головой начало стремительно меняться. Солнечный свет померк, а воздух наполнился тревожной тишиной – той особенной тишиной, которая предшествует буре. Тучи, словно стая хищных птиц, собирались над водопадом, закрывая собой небо. Холодный ветер пронесся над водой, заставив Далею поежиться.

– Нужно выбираться, – подумала она, ища глазами место, где оставила одежду. В этот момент раздался оглушительный раскат грома, от которого, казалось, содрогнулась сама земля. Далея в ужасе обернулась и увидела, как с вершины скалы, где находилась их пещера, срывается огромный валун.

– Адам! – крик вырвался из её груди, полный такого отчаяния, что даже птицы в страхе взметнулись с ближайших деревьев. Он был там, в пещере, беззащитный во сне, не подозревающий об опасности. Далея бросилась к берегу, но расстояние казалось бесконечным. Время словно замедлилось, растягивая каждое мгновение в вечность. Она видела, как камень, кувыркаясь в воздухе, летит вниз, неумолимо приближаясь к входу в пещеру. Воздух словно сгустился, наполнившись едва уловимым свечением. Успеет ли она? Сможет ли спасти того, кто за такое короткое время стал ей дороже всего на свете?

Далея резко открыла глаза, вырванная из объятий чудовищного сна. Первое, что она ощутила – отсутствие тепла рядом. Адама не было, и сердце тревожно сжалось.

– Где же он? – пронеслась паническая мысль, заставляя её

подскочить. «Неужели это всё-таки был не сон?»

– Адам! – имя сорвалось с губ прежде, чем она успела себя остановить. В тот же миг её ноздри наполнил восхитительный аромат, заставивший желудок нетерпеливо заурчать. Неторопливо поднявшись с мягкого ложа, она на цыпочках подкралась к выходу из пещеры. Утреннее солнце ласково коснулось её лица, заставив прищуриться. Когда глаза привыкли к яркому свету, она увидела его. Адам колдовал над небольшим костром. Его загорелая кожа блестела от пота, а мускулы перекатывались при каждом движении, завораживая взгляд.

– Доброе утро, спящая красавица, – его бархатный голос обволакивал, словно тёплый мед. Обернувшись, он одарил её той самой улыбкой, от которой её колени предательски слабели.

– Как тебе спалось в нашем скромном убежище?

Далея не могла отвести взгляд. Она жадно впитывала каждую деталь: капельки, стекающие по его груди, лёгкую щетину на подбородке, выбившуюся прядь тёмных кудрявых волос, падающую на глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.